

ЗАЧЕМ ИТАЛИИ РОССИЯ? ЗАЧЕМ РОССИИ ИТАЛИЯ?

С ТАКИМИ ВОПРОСАМИ GUIDE ОБРАТИЛСЯ К ДВУМ ЭКСПЕРТАМ — ПОСЛУ ИТАЛИИ В РОССИИ ДЖАНФРАНКО ФАККО БОНЕТТИ И ПРЕЗИДЕНТУ ФОНДА «ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА» АНДРЕЮ ИЛЛАРИОНОВУ.

«БРАК ПО ЛЮБВИ И ПО РАСЧЕТУ»

ДЖАНФРАНКО ФАККО БОНЕТТИ,
ПОСОЛ ИТАЛИИ В РОССИИ

Отношения России и Италии я бы сравнил с браком, в котором присутствует как любовь с первого взгляда, так и расчет. Наша взаимная симпатия базируется на том, что итальянцы и русские во многом похожи — нам свойствен общий чуть расслабленный подход к жизни. Конечно, мы все ценим благосостояние и достаток, но есть что-то большее, что позволяет нам неплохо понимать друг друга. Достаточно вспомнить, насколько популярна была у нас в стране итальянская эстрада еще во времена СССР, причем, может быть, даже более популярна, чем в самой Италии. Я, например, узнал о существовании певца по имени Робертино Лоретти только после того, как впервые приехал в вашу страну 15 лет назад.

И в то же время в этом браке присутствует и расчет, основанный на общности интересов. Италия — второй торговый партнер России на Западе. Мы рассматриваем Россию как важнейший и перспективный рынок. Наш товарооборот стабильно растет — за последний год он вырос на 25–30%, и первые месяцы нынешнего года только подтверждают эту тенденцию. Наша задача состоит не только в том, чтобы торговать, но и в том, чтобы поощрять инвестиции в экономику России. Прежде всего это касается малого и сред-

него бизнеса. Причем наш подход к инвестициям в России отличается от того подхода, которого мы придерживаемся, например, в странах Азии. Там мы за счет дешевой силы производим продукцию, которая в основном идет на экспорт, а в России ориентируемся на внутренний рынок.

Особое внимание мы уделяем именно мелкому и среднему бизнесу, поскольку, во-первых, именно он составляет основу гражданского общества. У нас в Италии, например, есть области, где на девять человек населения приходится одна частная компания. Поэтому мы могли бы чему-то научить наших российских партнеров в этом отношении.

Правда, если судить только по цифрам, то можно обнаружить, что Италия не входит в число основных иностранных инвесторов в России. Но это отчасти связано с особенностями итальянского законодательства, которое не поощряет инвестиции за рубежом, облагая повышенную ставкой налогообложения. Поэтому многие итальянские инвесторы вынуждены осуществлять инвестиции через третьи фирмы, базирующиеся в других странах. Например, концерн ENI, вложивший более \$1 млрд в проект «Голубой поток», сделал это, используя аффилированную голландскую компанию. В результате статистика не вполне точно отражает действительность.

Кроме того, интерес к инвестициям в экономику Италии проявляют и российские бизнесмены. Пока инвестиции в основном касаются сферы металлургии, но есть также масштабные планы у «Газпрома», что мы можем только приветствовать.

Должен отметить, что мы также заинтересованы во всемерном поощрении российского туризма. В прошлом году число россиян, посетивших Италию, превысило полмиллиона. Италия, кстати, является одной из трех стран Шенгенского соглашения, подписавших с Россией договор об облегчении визового режима. Бизнесменам, а также официальным лицам многократная шенгенская виза выдается на пять лет, ученым, студентам, деятелям культуры — на год.

Многие часто говорят, что хорошие отношения между нашими странами целиком и полностью базируются на хороших личных отношениях двух лидеров — президента Путина и премьера Берлускони. Это важный, но не единственный фактор. Кто бы ни пришел к власти в Италии, хорошие отношения между нашими странами сохранятся. Кстати, тема России, как и внешняя политика вообще, практически не фигурировала в предвыборных дебатах.

Кроме того, мне доводилось видеть, как общаются между собой президент Путин и нынешний лидер оппозиции Романо Проди, когда он еще был главой Еврокомиссии. Они называют друг друга по имени. Так что я не думаю, что в случае прихода к власти Романо Проди может произойти какое-то ухудшение отношений между нашими странами.

Конечно, в политике России есть моменты, которые вызывают нашу озабоченность. Например, нам кажется, что газовый спор с Украиной следовало решить либо до того, как Россия стала председателем «большой восьмерки», либо после того, как срок ее председательства

закончится. Тем более что главной темой российского председательства в G8 как раз является энергетическая безопасность.

Существуют также проблемы, связанные с состоянием дел в области прав человека. И, конечно, одна из главных проблем, мешающих нормальному функционированию итальянского бизнеса в России, — это бюрократия. Недавно президент Путин полушутя заметил, что он удивлен, что в Россию еще приходят какие-то итальянские инвесторы, он полагал, что у них просто не хватит терпения и упрямства, чтобы пройти через все бюрократические препоны.

Среди приятных исключений в этом отношении я хотел бы отметить российский город Ступино, власти которого проводят разумную политику в отношении иностранного бизнеса и не стремятся убить курицу, несущую золотые яйца. И дело не только в том, что в Ступине успешно работают итальянские компании, там вообще создан очень благоприятный инвестиционный климат.

В целом же по стране проблема коррупции еще далека от решения. В других странах в случае возникновения спорной ситуации можно пойти в суд и добиться справедливого решения. Здесь сделать это очень трудно. Разумеется, это не касается крупного бизнеса, он-то как раз сумеет успешно преодолеть все бюрократические препоны. Но особенно страдает мелкий и средний бизнес, о котором я уже говорил выше.

Скоро заканчивается мой срок пребывания на посту посла Италии в России, и я хотел бы отметить, что остаюсь оптимистом и уверен: что бы ни случилось, наши отношения будут успешно развиваться. ■

«НЕЖНАЯ СИЛА ИТАЛИИ»

АНДРЕЙ ИЛЛАРИОНОВ,
ПРЕЗИДЕНТ ФОНДА
«ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА»

В российской истории трудно найти эпоху, когда мы что-нибудь да не позаимствовали бы у итальянцев. Причем заимствуем так, что чужеродные товары не вызывают ни ненависти, ни возмущения, ни даже раздражения патриотического чувства. Более того, заимствованное у итальянцев в России очень скоро перестает восприниматься как чужое. Наоборот, возникает ощущение, что это было с нами всегда. Какой легковой автомобилем в России является народным, национальным, исконно российским? «Святогор»?

«Князь Владимир»? «Юрий Долгорукий»? «Калита»? Сметесь? Может быть, «Волга»? Есть ли машина, способная в масштабах национального признания конкурировать с «Жигулями», скопированными с итальянского Fiat-124? Название какого автомобиля обросло бесконечным списком народных синонимов? «Жигуль», «копейка», «девятка» — это про кого? Про какую машину сложены народные хиты типа «Моя вишневая „девятка“»? Песен про «Святогора», «Юрия Долгорукого» и ГАЗ-24 что-то не слышно.

А пицца? Кто в России рефлексировал по поводу происхождения макарон, вермишели, лапши, рожков и спагетти?

А музыка? Кто из композиторов смог удостоиться от «солнца нашей поэзии» наивысшей награды — эпитета «упоительный»? Джоаккино Россини.

Кто создал неповторимый облик нашей северной столицы? Итальянцы — Растрелли и Ринальди, Кваренги и Росси. Кто заложил Петропавловскую крепость и построил ставший символом города Петропавловский собор? Доменико Трезини.

Да что там Петербург, символ европейского выбора России! Кто создал Московский Кремль, Успенский, Ар-

хангельский, Благовещенский соборы, церковь Ризоположения, Грановитую палату, колокольню Ивана Великого? Все это дело итальянских зодчих. Есть ли еще примеры сердца столицы крупного государства, фактически полностью построенного иностранцами, но построенного так, что храмы и башни, дворцы и стены не только не были отвергнуты, но и органично вошли в душу нации, стали всенародной святыней как для элиты, так и для закомплексованной на примитивно толкуемом патриотизме толпы?

Импорт итальянских образцов идей оказался не менее впечатляющим. Вспомним, что еще в конце XV — начале XVI веков сложилась официальная идеология «Москва — третий Рим», утвердившаяся на века. Не второй Царьград (историческая столица православия) и не четвертый Иерусалим (столица всего христианства), а третий Рим — цитадель латинства. К чему бы это? Почему при выработке государственной доктрины русскими властями центральная идея была отдана, казалось бы, самому опасному идеологическому конкуренту?

Естественно, российский импорт полезных в национальном хозяйстве вещей никогда не ограничивался одной страной. За более чем тысячелетнюю историю страны что только не было ею заимствовано, переработано и благополучно усвоено. Ничего удивительного в этом нет: ни одна страна, не желающая обрекать себя на отсталость, не откажет себе в необходимости и удовольствии заимствования передовых образцов. Удивительно другое — относительный размер итальянской импортной квоты в российских заимствованиях. Традиционное объяснение масштаба воздействия народов-кредиторов на народ-заемщик сводится к их либо военно-политическому доминированию, либо торгово-экономическому превосходству. Вклад в российскую цивилизацию греков, ордынцев, турок, поляков, немцев, французов, англосаксов в разные периоды российской истории может быть объяснен интенсивными контактами — военно-политическим противоборством, или торгово-экономическими отношениями, либо и тем и другим.

С итальянцами ситуация труднее. Отсутствие непосредственного территориального соприкосновения с Италией и географическая удаленность предопределили скромность двусторонних контактов. Россия никогда не находилась под властью Италии (как, кстати, и Италия под властью России), между двумя странами практически никогда не было серьезных военных конфликтов, торгово-экономические отношения вплоть до недавнего времени были весьма ограниченными. К тому же никогда за последнее тысячелетие Италия не была доминирующей политической, экономической или военной силой ни Европы, ни мира. Спрашивается, почему же в массовых масштабах мы заимствуем итальянские образцы?

Впрочем, в положении реципиента итальянского цивилизационного кредита оказалась не только Россия, а практически вся Европа, да и весь мир. Так почему итальянская цивилизационная интервенция оказалась и столь властной, и столь привлекательной для разных народов? В чем код итальянского стратегического успеха?

В том, что Италия, как, возможно, ни одна другая страна, успешно освоила самое сильное оружие современной цивилизации — экономический и политический либерализм. Ставший частью национального сознания, укорененный в правилах общественного поведения, закрепленный в государственной системе. Складывающийся из нескольких компонентов, взаимно дополняющих друг друга и формирующих ключ к долгосрочному процветанию нации.

Первый компонент — высочайший профессионализм. Прилагательное «итальянский» давно стало синонимом качества. Итальянские имена почти в любой сфере деятельности формируют систему высочайших образцов: Данте, Медичи, Рафаэль, Леонардо, Микеланджело, Боттичелли, Челлини, Галилей, Бруно, Доницетти, Вивальди, Пуччини, Верди, Страдивари, Колумб, Ферми, Феллини, Дзефирелли, Версаче, Армани, Валентино, Феррари, Ламборгини.

Второй компонент — свобода конкуренции, отказ от монополии. Товары (ресурсы, идеи) должны быть проданы, они не могут быть навязаны. Конечно, в итальянской

истории бывали примеры и других подходов. Были и мощные торговые монополии. Но мир завоевали не генуэзские фактории с эксклюзивными правами, не венецианское стекло, монополии на производство которого пытались удержать дожи. Мир завоевали свободные производители, выросшие в жесткой конкуренции друг с другом — хоть скрипичных дел мастера, хоть дома высокой моды, хоть автомобильные концерны.

Третий компонент — слабое и неагрессивное государство, базирующееся на традициях независимых республик и городского самоуправления. За послевоенную историю в Италии сменилось более 40 правительств, что не мешало осуществлению итальянского экономического чуда. Правительство Берлускони поставило рекорд длительности пребывания у власти, но именно эти годы ознаменовались стагнацией экономики.

Во всех случаях, когда Италия пыталась силой навязать свои порядки, она проигрывала. Но смогла сделать из своей истории правильные выводы. В последние два века Италия «потеряла» немало территорий. Но после второй мировой войны в Италии нет серьезных политических сил, стремящихся к возвращению Корсики и Ниццы, Албании и Ливии, Эфиопии и Сомали. Отказ от внешней агрессии высвободил колоссальную созидательную энергию нации.

Только тогда, когда Италия предлагала свободный выбор, она могла выиграть и выигрывала.

Россия выбирала итальянские образцы не потому, что ей их навязывали силой. И не потому, что Италия была важным экономическим партнером или крупнейшей, сильнейшей, влиятельнейшей страной своего времени. Нет. Выбор делался потому, что предлагаемый товар был наивысшего качества. Потому что товар выбирался свободно. Великая нежная сила либерализма, демонстрируемая итальянским примером, показывает, что никакое насилие, никакая государственная мощь, никакая монополия не могут добиться того, что легко и непринужденно получается у свободного выбора товаров, институтов, идей. В этом залог исторического успеха — отдельного человека, компании и целой страны. ■